

Глубокая ночь. В одном из уединенных домов, расположенных на территории закрытого военного городка округа XX, горел свет.

Пусть эти серые кирпичные дома высотой всего в два этажа и крытые черепицей выглядели неброско, этот район не имел ничего общего с трущобами. Напротив, меры безопасности здесь были беспрецедентными. Подобные резиденции предназначались исключительно для отставных армейских чинов высшего ранга. Владеть здесь жильем могли лишь те, чьи семьи поколениями служили родине и имели перед ней особые заслуги.

В просторной гостиной собрались шестеро мужчин.

Двое из них были средних лет; обилие звезд на их погонах недвусмысленно указывало на их высочайшее положение в оборонном ведомстве.

Рядом сидели двое молодых людей, ровесников Янь Чуаньюня. Подтянутые, с резкими чертами лица и холодным, колючим взглядом, они походили на едва обнаженные клинки — опасные и смертоносные.

Оставшиеся двое были глубокими стариками. Один из них выглядел болезненным и изможденным, его лицо отливало восковой бледностью. Второй же, напротив, так и пыхал энергией. Именно он сейчас и говорил, оживленно жестикулируя перед своим немощным ровесником.

— В общем, брат, дело решенное, — разглагольствовал второй старейшина Чжоу, Чжоу Шумин, известный своим несносным и бесшабашным характером. Выражений он никогда не выбирал, вот и сейчас его речь лилась без всякой оглядки на приличия. — Как только получим эту чертову визитку, сразу зовем Божественного доктора Сы. Сам подумай: паршивец из семьи Янь едва концы не отдал, все врачи в один голос твердили про ампутацию. И что теперь? Скачет как ни в чем не бывало! Мне тут нашептали, что он хоть завтра готов вернуться в строй. Этот хваленый лекарь, конечно, заносчив до невозможности, гонору выше крыши, да и правил у него вагон, но дело свое знает туго. Попытка не пытка, хуже точно не будет.

Семья Чжоу славилась суровыми военными традициями и строжайшей дисциплиной. Сам старейшина Чжоу еще с юных лет слыл несносным буквоедом, а к старости его характер сделался и вовсе невыносимым. Но с младшим братом, который всю жизнь оставался неотесанной деревенщиной, он давно опустил руки — воспитывать этого упрямяца было бесполезно. Все прочие домочадцы, от сыновей до внуков, перед главой семьи ходили на цыпочках и не смели пикнуть вопреки его воле. И только непутевый Шумин раз за разом заставлял старика хвататься за голову.

Старейшина Чжоу смерил брата ледяным взглядом.

— Придержи язык хоть раз в жизни. Я сам знаю, сколько мне осталось, так дай мне уйти спокойно, без этой суеты. Сколько вы уже перетаскали ко мне этих «божественных лекарей» да заграничных светил науки? И каков итог? Все без толку. Хватит с меня этих экспериментов.

Забыл, как прошлый «чудотворец» чуть не отправил меня на тот свет с инфарктом? Мало вам было урока?

Но Чжоу Шумин ни капли не испугался грозного тона.

— То было раньше! — отмахнулся он. — Прежние коновалы и мизинца его не стоят. Этот Сы — совсем другое дело, он действительно творит чудеса!

Сидевшие в комнате генералы и офицеры — генерал Чжоу Цзян, генерал-лейтенант Чжоу Хуан, а также их сыновья, старший и средний офицеры, — дружно уставились в пол, стараясь даже дышать через раз. Никто из младшего поколения не горел желанием вступать в перепалку двух патриархов, прекрасно понимая: попадешь под горячую руку — костей не соберешь.

Старейшина Чжоу аж зашелся сухим, раздраженным смехом.

— Ах, коновалы? Насколько мне не изменяет память, каждого из них ты расписывал как спасителя человечества! Притаскивал целые кипы бумаг, зачитывал мне их регалии и списки чудесных исцелений. А теперь они у тебя в одночасье превратились в бездарей?

Чжоу Шумин на мгновение лишился дара речи и лишь шумно сопел. Младшие Чжоу продолжали хранить партизанское молчание, старательно разглядывая узоры на ковре.

Поняв, что в словесной дуэли брата ему не одолеть, Чжоу Шумин с маху грохнул ладонью по столу так, что жалобно звякнули чашки.

— Последний раз! Если и он не поможет, клянусь, я умываю руки. Можешь хоть вообще плевать на таблетки, слова поперек не скажу! А если нарушу обещание — пусть я целый месяц рта не раскрываю для мясного!

Для не мыслящего жизни без мяса Шумина это было страшнее любой смертной казни. Окружающие притихли — все поняли, что старик не шутит.

Старейшина Чжоу несколько секунд молча всматривался в лицо брата, взвешивая его слова.

— Чжоу Цзян, — наконец негромко произнес он. — Неси бумагу и ручку. Пусть твой дядя зафиксирует свои слова на письме.

Глаза Шумина округлились от возмущения, но генерал Чжоу Цзян уже безмолвно поднялся, достал блокнот и быстро набросал несколько строк обязательства. Старик не просто размашисто расписался, но и с силой прижал испачканный чернилами палец к бумаге. Готово!

Обиженный до глубины души, Чжоу Шумин одарил своего племянника испепеляющим взглядом. Генерал Чжоу Цзян почувствовал, как по спине пробежал холодок, и мгновенно перевел тяжелый взор на собственного сына, Чжоу Чуанью.

Тот мысленно взвыл. Ну почему крайним всегда оказывается он?

Понимая, что отмолчаться не удастся, Чжоу Чуанью кашлянул и осторожно спросил:

— Дедушка Шумин, но этот Божественный доктор Сы так заносчив... Что, если дедушка просто не дождетя от него приглашения?

— Да как он посмеет?! — Шумин снова приложился ладонью к столешнице. — Если не пришлет, я лично поеду и притащу его сюда со связанными руками!

Внимание буйного старика благополучно переключилось на постороннего человека, и генерал Чжоу Цзян наконец-то облегченно перевел дух.

Чжоу Чуанью оставалось лишь покачать головой.

"Хотя... На службе мой отец был сущим кошмаром для подчиненных, одним взглядом заставляя дрожать прожженных вояк. Но стоило ему переступить порог родного дома, как вся его грозная спесь улетучивалась перед двумя дряхлыми стариками. И ведь я сам в армии — суровый и беспощадный командир, а здесь сижу тише воды, ниже травы. Видимо, это у нас семейное"

<http://bllate.org/book/18354/1828790>